

ПРОСВЕЩЕНИЕ

С. В. Чернов

«САМОБЫТНЫЙ СПОДВИЖНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. *Исследуя хронологию творческой деятельности Ломоносова, мы видим, что от исследований по химии он легко переходил к изучению древней русской истории; от физических экспериментов — к разработке проектов научных экспедиций, от проектов создания первого в России университета или реорганизации Петербургской Академии Наук — к сложению стихов. В ту пору, когда Ломоносов очень интенсивно трудился в своей химической лаборатории, возрождая мозаичное искусство России, он, одновременно, занимался составлением «Древней Российской истории» и «Российской грамматики»; вместе с профессором Рихтером исследовал проблему атмосферного электричества; вел переписку с зарубежным учёным; подготавливал и защищал свои многочисленные диссертации. Исследование творческого наследия Михаила Васильевича Ломоносова, в основу которого положена концепция исследования человеческого гения, разработанная автором с опорой на проблемное поле философской антропологии, ясно показывает, что вся его научная, литературная и общественная деятельность были направлены единственно на строительство того пути, по которому впоследствии пошли и русская наука и российское просвещение. М. В. Ломоносов придал русскому языку не национальное только, но настоящее мировое значение, заложив основания к тому, чтобы русский язык занял своё достойное место во всечеловеческой духовной культуре. Педагогические идеи Ломоносова, которые он не уставал высказывать всю свою жизнь, представлены не только в его научно-гуманитарных произведениях, но и в его естественнонаучных трудах, а также и в поэтических сочинениях. Ломоносов всячески поддерживал молодых и талантливых русских учёных и педагогов. Эти факты показывают, что проблема просвещения и воспитания детей и юношества была одной из центральных в его творчестве.*

Ключевые слова: *предназначение гения Ломоносова, российское просвещение, русский язык, научный метод Ломоносова, пытливый исследователь, глубокий мыслитель, педагогические идеи Ломоносова, проблема педагогического мастерства, воспитание, труд.*

I

Всякое беззаветное служение на благо
и силу Отечества должно быть
мерилом жизненного смысла.
Михаил Васильевич Ломоносов

Когда А. С. Пушкин назвал М. В. Ломоносова «первым нашим университетом»¹, он хотел этим подчеркнуть выдающуюся по своим масштабам и по своему содержа-

нию научно-просветительскую и общественную деятельность нашего великого соотечественника, которая во многом определила последующие пути русской науки и российского просвещения. В свою очередь, отмечая выдающиеся достижения Ломоносова на невспаханной ещё ниве естествознания XVIII века, и не без основания называя его «гениальным учёным», «предвосхитившим многие открытия XIX и XX вв. в физике и химии», Н. А. Бердяев говорит, что Ломоносов «имел мало значения» для «истории русского самосознания»².

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 7. М., 1958. С. 277.

² Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М., 2008. С. 27.

При всем нашем уважении к Н. А. Бердяеву, мы не можем в этих последних словах с ним согласиться. Достаточно вспомнить, что гражданский подвиг Ломоносова и его творческое наследие воодушевляло таких выдающихся русских мыслителей и писателей, как Новиков, Муравьев, Батюшков, Баратынский, Гоголь, К. С. Аксаков и мн. др. На наш взгляд, в самом Бердяеве заключена частичка *гения Ломоносова*, так же, как и в каждом из нас *сияет искра гения* того древнего художника, который начертал свои рисунки на стенах пещеры Альтамира¹. Ведь дух, как говорится в Новом Завете, не подвержен тлению. И в этом собственно и заключается *самый великий смысл* и *самое великое предназначение гения Ломоносова*.

Творческое наследие М. В. Ломоносова, многократно описанное и проанализированное многими писателями, требует вместе с тем своего осмысления во всей многогранности этого наследия, в многозвучии дарований и *универсальности самого гения Ломоносова*. В этой связи, в основу настоящего исследования была положена методология исследования человеческого гения, разработанная автором настоящей статьи с опорой на проблемное поле современной философской антропологии².

Мы, современные люди, должны увидеть Ломоносова живым человеком, цельной личностью, осмыслить сам опыт *становления гения Ломоносова* и, что самое главное, — *воспитаться на этом уникальном духовном опыте*. Понять своё *божественное назначение*, как понял и мужественно нёс его Ломоносов, есть, несомненно, задача каждого человека. Именно этому и учит нас духовный опыт Михаила Васильевича Ломоносова, так же, как и опыт других гениальных людей, а *гений Ломоносова*, в свою очередь, может стать настоящим маяком для всех тех людей, которые *почитают быть* носителями русской духовной культуры.

¹ В 1875 году испанский ученый Марселино де Саутуола впервые обнаружил и исследовал наскальные рисунки на стенах пещеры Альтамира, которая впоследствии получила название «Сикстинской капеллы первобытного искусства» (Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985. С. 277).

² См.: Чернов С. В. Концептуальные основы исследования человеческого гения // Психология и психотехника. 2010. № 3 (18). С. 45–55; Чернов С. В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1 (28). С. 34–44; Чернов С. В. Книга о гениальности. Воронеж; М., 2011.

Михаил Васильевич нисколько не сомневался в том, что все его дела и вся его деятельность, направленные на благо Отечества, определяются в соответствии с Божьей волей и определенным для него — для Ломоносова, — *божественным ему назначением*. Так, в письме И. И. Шувалову от 19 января 1761 года Ломоносов пишет: «... я полагаюсь на помощь Всевышнего, который был мне в жизни защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости»³. Итак, для Ломоносова, Бог не только первопричина и условие всего сущего, именно Бог есть настоящий вдохновитель как трудов, так и идей самого Ломоносова. «Устами движет Бог, я с ним начну вещать», — вторя Овидию, восклицает М. В. Ломоносов, подтверждая этими словами сказанное выше.

Не из этого ли особого присущего М. В. Ломоносову чувства *божественной предопределенности* проистекают те особые свойства его характера, которые всегда поражали и современников и потомков? — Его смелость в отстаивании научных и гражданских позиций, его непреклонная твердость в отношении с «сильными» мира сего с которыми ему нередко приходилось взаимодействовать. И что бы там не происходило, никогда и ни при каких обстоятельствах Ломоносов не унижал своего достоинства. Даже в отношении со своими высокопоставленными покровителями, от которых во многом зависела не только его научная карьера, но и сама его будущность в целом, он всегда оставался самим собой, где правда и вера никогда не противоречили друг другу: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного Всевышнего Родителя, никогда между собою в распрю придти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклепет»⁴.

Ломоносов никогда не соглашался идти на поводу у своих наделённых огромной властью покровителей. Он не только не изменял своим убеждениям, но и не шёл ни на какие уступки, а в своих научных и иных творческих изысканиях всегда оставался на досконально продуманных им самим позициях. Вот яркий пример. Придворный

³ Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., 19 января 1761 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 545.

⁴ Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце // Полн. собр. соч. Михайла Васильевича Ломоносова. Ч. 3. СПб., 1803. С. 255.

патрон Ломоносова Иван Шувалов вдруг решил отставить учёного от его физических и химических опытов, дабы тот уделял больше внимания и времени на составление од, прославляющих как саму императрицу Елизавету, так и императорскую корону. Но этот номер не прошёл, о чём свидетельствует следующее письмо, адресованное Ломоносовым Шувалову, фрагмент из которого мы здесь приводим: «Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение «Российской истории» и на украшение русского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильярду употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменю материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой»¹.

«Ломоносов, рожденный в низком сословии,— пишет А. С. Пушкин,— не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего сословия (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *представителю мус, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше превосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу»². В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так

его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставляю тебя от Академии!» — «Нет,— возразил гордо Ломоносов,— разве Академию от меня отставят?»³.

С точки зрения Е. Н. Лебедева, в самом характере М. В. Ломоносова, как ни у кого другого из числа современников, его окружавших, проявлялось «чувство ответственности перед своим даром... Он понимал: надо быть на уровне дарованного, а не применять то, что дано свыше, к сиюминутным своим потребностям, не унижать дар до людских прихотей, но себя и людей поднимать к нему. Вот почему никто из современников Ломоносова не был так спокойно и твердо, как он, уверен в своем высоком и грандиозном предназначении». И если другие, несомненно талантливые и энциклопедически образованные люди, окружавшие Ломоносова, постоянно «доказывали (себе, монархам, друзьям, противникам) свое право на избранничество. Ломоносов же просто знал, что он избранник»⁴. И подтверждение этому Лебедев находит, прежде всего, в поэтических произведениях Ломоносова, анализ которых приводит Лебедев к следующему важнейшему и вполне обоснованному выводу: «... Ломоносов закрепляет за поэтом роль вестника боговдохновенных истин,... себя самого он считал прежде всего именно таким вестником, избранником, а не присяжным панегиристом царствующих особ»⁵.

Н. И. Новиков (род. 1744), младший современник М. В. Ломоносова, в книге «Опыт исторического словаря» (1772) в нескольких чертах даёт следующее описание его характера: «Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всем человечеству полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета. Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом. Бодрость и твердость его духа оказывались во всех его предприятиях. <...> Нрав имел он весёлый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки. К Отчеству и друзьям своим был верен; покровительствовал упражняющимся в словесных науках и ободрял

¹ Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., 4 января 1753 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 475.

² В оригинале (письмо И. И. Шувалову от 19 января 1761 г.) эти слова М. В. Ломоносова звучат следующим образом: «Не только у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве не отнимет» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 546).

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 7. М., 1958. С. 285–286.

⁴ Лебедев Е. Н. Ломоносов. М., 1990.

⁵ Там же. С. 242.

их. В обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр; но при всем том был горяч и вспыльчив»¹. Действительно, в этой краткой характеристике всё схвачено предельно верно. Достаточно вспомнить неоднократные ходатайства Ломоносова о помощи семье погибшего во время опытов с атмосферным электричеством проф. Рихмана, а также поддержку Ломоносовым молодых и талантливых российских ученых. И это всё в сочетании с непримиримостью к тем, кто мешал развитию российской науки, выставляя на первое место своекорыстные интересы и амбиции. «Я к сему себя посвятил,— пишет Ломоносов в письме Теплову,— чтобы до гроба моего с неприятельми наук Российских бороться, как уже борюсь двадцать лет. Стоял за них смелода, на старости не покину»².

А. И. Львович-Кастрица, представляя «прямую, честную, широкую», «страстную», полную «человеческого достоинства» и негибкую ни перед начальством, ни перед покровителями натуру М. В. Ломоносова и, приводя примеры из соответствующих его писем, с удивлением восклицает: «С такою смелостью и твердостью, опираясь всегда на чистоту своих намерений и правдивость своих убеждений, Ломоносов действовал и писал всегда, не отступая ни перед какими препятствиями и совсем не разбирая, к кому обращалась речь его. Читая некоторые из его писем, иногда просто поражаешься их смелости, которая почти граничит с дерзостью и нахальством. Но это было не более как выражение жара его страстной души, не смягченной никаким воспитанием»³.

Но ничего удивительного здесь нет, и быть не может. Гений всегда мужественен, прост и непосредственен, а его смелость в отношении с другими не имеет ничего общего ни с заносчивой дерзостью гордеца, ни с примитивным нахальством обывателя. Ведь гений всегда предельно самостоятелен и предельно независим, он действует лишь в соответствии со своим божественным назначением (зачастую даже вполне и не осознавая природы этой внутренней

силы). И разве при этом способны повернуть его в иное направлении даже самые могущественные люди? — будь то начальники, меценаты или покровители. Одухотворенный внутренней силой своего гения даже самый робкий человек становится храбрецом. И никакие внешние силы, никакие препятствия, и никакие польза или выгода, предельно важные для других людей, не являются для гениального человека достаточным основанием для перемены вида его деятельности, или для отказа от своих идей: ни в угоду толпе, ни тем паче — власти предрешающим. Даже под страхом смерти гениальный человек остаётся верен своему гению. И нам остаётся только преклоняться перед мужеством Ломоносова, которое, как мы знаем, характерно для всех без исключения гениальных людей. Ведь мужество — это своеобразная печать гения. Именно таким и предстаёт перед нами *гений Ломоносова*.

II

Я при объяснении явлений буду поступать так, чтобы они не только легко объяснялись из основного положения, но и доказывали само это положение.
Михаил Васильевич Ломоносов

Для того чтобы представить себе уникальность творческой деятельности и универсализм *гения Ломоносова* нужно увидеть Михаила Васильевича в его каждодневных трудах. Нужно ясно увидеть, как он, будучи ещё отроком, восторженно поёт в церкви, а затем бойко объясняет убежденным сединами старцам непонятные места из церковных книг; как он запоем читает свои «Арифметику» и «Граматику»,— книги, которые он сам назвал «вратами своей учености»; как он, обучаясь в Германии, внимательно слушает лекции профессора Хр. Вольфа и самозабвенно спорит с горным советником Генкелем; как он бежит от погони, дезертировав из прусской армии, куда его заманили обманом; как он самозабвенно произносит «Слово о пользе химии» для аудитории, составленной из самых просвещенных людей России, произносит так же, как читают стихи. Нужно ясно увидеть, как Михаил Васильевич в прожжённом кожаном фартуке орудует в своей химической лаборатории, выплавляя очередную порцию яркой разноцветной смальты для мозаичных картин; как он проводит опыты

¹ Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. СПб., 1803. С.VII–VIII.

² Ломоносов М. В. Письмо Теплову Г. Н., 30 января 1761 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 554.

³ Львович-Кастрица А. И. Михаил Ломоносов: его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность // Ломоносов... Повествования. Челябинск, 1997. С. 80–81.

с электричеством или наблюдает через телескоп за движением небесных светил; как он, закусив перо, сочиняет очередную оду, сонет, поэму, или пишет уже не первую докладную, обосновывая необходимость организации первой в России химической лаборатории, или составляет проект организации первого Российского университета, или трудится над текстом одной из своих многочисленных диссертаций. И только тогда можно почувствовать дух этого удивительного человека, — дух художника, дух мыслителя, дух созидателя. Нашего соотечественника! Одного из наших великих учителей, у которого нам, людям XXI века, действительно есть чему поучиться и действительно следует воспитаться на его духовном опыте.

Анализируя многогранную творческую деятельность нашего великого соотечественника, можно сказать, что поэзия Ломоносова — это *творчество восторженного юноши*, его деятельность по организации российского просвещения — это *отеческая опека заботливого и любящего родителя*, а его научные изыскания — это напряженный и целеустремленный *труд глубокого мыслителя*. А для того, чтобы убедиться в этом последнем мы рассмотрим те *принципиальные основания*, которые собственно и определяли научный метод М. В. Ломоносова.

1. *Важнейший фактор творческой деятельности учёного, есть сочетание аналитической и синтетической деятельности ума, выражающейся в разработке и выдвигении учёным гипотез*, которые, с точки зрения самого Ломоносова, «дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до которых никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе»¹. Таким образом, по Ломоносову, без гипотез нет, и не может быть никакого научного познания.

2. *Ломоносов в той же мере придавал значение опытному (экспериментальному) развитию научных изысканий, сколь и выступал за последовательное использование полученных в эксперименте опытных данных в деле построения*

научных теорий. Так в одном из своих рапортов на имя президента Академии Наук он писал относительно своих опытов с цветными стеклами следующее: «Для того прилагаю я возможное старание, чтобы делать стекла разных цветов, которые к упомянутым художествам годны были, и в том имею нарочитые прогрессы. При всех сих практических опытах записываю и те обстоятельства, которые надлежат до химической теории»². В свою очередь, разработку теоретических положений Ломоносов считал необходимым основанием не только для расширения горизонтов научного познания, но и для разработки последующих практических приложений, следующих из соответствующих теоретических положений. Вообще, теоретическое осмысление накопленных научной практикой фактов Ломоносов считал одной из важнейших задач учёного: «Для чего столь великих мужей были труды и жизни опасные испытания? Для того ли только, что бы собрав великое множество разных вещей и материй в беспорядочную кучу, глядеть и удивляться их множеству, не размышляя о их расположении и приведении в порядок»³. Для самого Ломоносова характерна *естественная и неразрывная связь разработки теоретических положений и практических изысканий в едином и целостном творческом акте учёного*.

3. *Задачи познания по Ломоносову, которые ставит перед собой учёный, могут быть решены лишь при проведении комплексных исследований, предполагающих сочетание методов нескольких наук*, например, соединяя «физические истины с химическими» или, скажем, исследуя природу света наряду с исследованием природы вещества. М. В. Ломоносов всегда очень последовательно выступал за интеграцию наук, а чрезмерную специализацию считал не только малоэффективной, но и вредной для развития истинной науки. Например, в «Записке о необходимости преобразования Академии Наук» (1758–1759), указывая на недостатки существующего регламента Академии, он пишет: «... запрещено академикам в другие науки вступать кроме своей профессии, чрез что пресекается не токмо нужное сношение,

² Ломоносов М. В. Репорт президенту АН о назначении в Химическую лабораторию студентов. 1750 января 19 // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 48.

³ Ломоносов М. В. Слово третье о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Полн. собр. соч. Михайла Васильевича Ломоносова. Ч. 3. СПб., 1803. С. 140.

но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист не может пустого всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю и так далее. Того ради, советуя друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие. <...> Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухорук без химии. Итак, ежели он своих глаз и рук не имеет, у других заимствовать должен, однако свои чужих лучше и нельзя запретить их употребления»¹. К глубокому сожалению, современная наука, равно как и философия наших дней, идут по пути всё более углубляющейся специализации, что в конечном итоге приводит к тому, что не только представители разных наук, но и учёные, работающие в одном научном направлении, просто перестали понимать друг друга. Спрашивается, кому же нужна такая наука, где никто ничего не понимает?

4. Во всех своих научных изысканиях и исследовательских проектах Ломоносов стремился, прежде всего, добраться до сущности вещей и чем бы он сам ни занимался: натуральной философией, поэзией, или историей, он всегда выступал и как пытливый исследователь и как глубокий мыслитель, который не только непрерывно вопрошает, но и упорно ищет ответы на поставленные перед самим собою вопросы. Разве не об этом свидетельствуют следующая мысль Ломоносова, озвученная им в «Слове о происхождении света»: «Натура тем паче всего удивительна, что в простоте своей многохитростна, и от малого числа причин произносит неисчислимые образы свойств, перемен и явлений»². Вот эти то причины или сущности вещей всегда и, прежде всего, интересовали Ломоносова. Но, исследуя законы «натуры», размышляя над возникающими при этом новыми вопросами и решая те задачи, которых до него не решал ещё никто, Ломоносов прекрасно знал и понимал все те трудности, которые поджидают пытливого исследователя на тернистом пути к познанию истины. «Сколь трудно полагать

основания! — восклицает Ломоносов, — Ведь [при этом] мы должны как бы одним взглядом охватить совокупность всех вещей, чтобы нигде не встречалось противопоказаний»³. Решение непростых, нетривиальных, ещё никем нерешённых задач, — самая сложная и малопривлекательная для большинства людей направленность человеческой деятельности, — это как раз более всего и привлекало Ломоносова в его научных занятиях. И он сам был более чем уверен, что место в науке уготовано именно для таких, и только для таких людей, которые берутся за решение наисложнейших задач, которые большинству других оказываются просто не нраву и не по силам.

Здесь нелишним будет вспомнить немало-важное суждение В. Ф. Одоевского, впервые обратившего внимание на синтетический (собственно творческий) склад ума Ломоносова, который по сути и определял интегративный характер его научной методологии: «... вы преклоните колено перед Ломоносовым, этим самородным представителем многосторонней славянской мысли, когда узнаете, что он наравне с Лейбницем, с Гёте, с Карусом открыл в глубине своего духа ту таинственную методу, которая изучает не разорванные члены природы, но все ее части в совокупности и гармонически втягивает с себя все разнообразные знания»⁴.

5. Научные писания Ломоносова очень естественны и в большинстве своём просты для понимания. В них нет ни схематизма, ни искусственности, ни жесткой механистичности столь характерных для современных научных статей, диссертаций и монографий, но при этом писания Ломоносова не только не теряют, но и во многом выигрывают в сравнении с научными писаниями сегодняшнего дня. Гоголь верно подметил, что «язык у него (Ломоносова — С.Ч.) движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах»⁵. Так, например, Ломоносов описывает протекание физических и химических процессов точно так, как каждый из нас смог бы описать, скажем, полёт бабочки,

¹ Ломоносов М. В. Записка о необходимости преобразования Академии Наук. 1758–1759 // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 57.

² Ломоносов М. В. Слово третье о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Полн. собр. соч. Михаила Васильевича Ломоносова. Ч. 3. СПб., 1803. С. 130.

³ Ломоносов М. В. 276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 135.

⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 181–182.

⁵ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-и томах. Т. 6. М., 1953. С. 144.

если бы удосужился внимательно понаблюдать за этим.

При чтении трудов Ломоносова, невольно возникает мысль — будто бы у него есть «специальный глаз», который позволяет ему разглядеть то, чего никогда не смогут реально наблюдать другие, усваивающие закономерности протекания физико-химических процессов только через их описания посредством понятий. Складывается впечатление, что Ломоносов будто бы сам видит, как движется, вращается и бродит внутри физических тел вещество, проходя через многочисленные преобразования и производя на свет многообразные порождения. Ломоносов как бы чувствует реальную химию физического тела, а понятия порой даже начинают мешать ему, когда он открывает читателю открывающееся ему самому видение внутренней сущности природного мира.

Когда читаешь в писания Ломоносова, вслушиваешься в его Слова, вглядываешься в его текстом нарисованные картины, начинаешь, наконец, понимать, как всё-таки кардинально отличается то *нечто*, что *видит и познаёт* гений, от того, что *открывается восприятию* обыкновенного человека. И тогда начинаешь понимать правоту Отто Вейнингера, который связывал гениальность с «универсальной апперцепцией»¹, во многом определяющей и *саму универсальную природу человеческого гения*.

6. Наука, по Ломоносову есть важнейшая составляющая духовной жизни человека, определяющая устремления и ценности личности, о чем вполне ясно говорят его следующие слова: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость успеха в несчастьи, в счастии — укрепление, везде верный и безотлучный спутник». Не только свои собственные занятия наукой, но задачу развития науки в России Ломоносов считал важнейшим и первостепенным государственным делом, способствующем процветанию и силе Отечества. «... от искреннего

¹ «У негениального человека, — пишет О. Вейнингер, — мало таких моментов, которые из пестрого многообразия соединились бы в нечто замкнутое, непрерывное, течение его жизни подобно ручейку. Жизнь гения — это могучий поток, в котором стекаются самые далекие воды, который с помощью универсальной апперцепции принимает в себя все отдельные моменты, не выбрасывая наружу ни одного» (Вейнингер О. Пол и характер. М., 1997. С. 117–118).

сердца желаю, — пишет М. В. Ломоносов в предисловии к «Волфианской экспериментальной физике», — чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространялись и чтобы в сынах российских к оным и охота и ревность равномерно умножались»². Такие слова мог сказать лишь человек, который не за чины и награды, не из корысти и гордыни, но сам, не просясь ни у кого, без указаний свыше, без оглядок и сомнений возложил на себя прямую ответственность за будущность науки и просвещения в России. И эти свои слова Михаил Васильевич подтверждал всеми своими деяниями на поприще российской науки и российского просвещения.

Выделенные здесь принципиальные *основания научной методологии* М. В. Ломоносова и его *идейные принципы* в полной мере были реализованы в его исследованиях, посвященных разработке «новой теории о цветах»³. Однако, многие *специалисты* могут здесь возразить на том основании, что названная теория М. В. Ломоносова имела в своих постулатах существенные и неверные допущения. Но тогда и мы вправе спросить у этих *специалистов*: пусть так, но почему же тогда эта «ошибочная» в своих основаниях теория позволила Ломоносову успешно применить её на практике и добиться поразительных результатов в создании на этой основе великолепных мозаичных картин?

Остановимся на этом последнем вопросе более подробно.

Начиная с 1751 года, Михаил Васильевич полностью погружается в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах. Нет, Ломоносов не бросает всех своих бесчисленных забот: «я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю...»⁴, он продолжает всем этим заниматься и лишь по собственной инициативе прибавляет себе новое дело, которое, как и все остальные, будет стремиться довести до совершенства.

«В течение трёх лет, — пишет М. В. Ломоносов в письме Леониду Эйлеру (от 12 февраля 1754 г.), —

² Ломоносов М. В. Волфианская экспериментальная физика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 425.

³ Ломоносов М. В. Слово третье о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Полн. собр. соч. Михаила Васильевича Ломоносова. Ч. 3. СПб., 1803.

⁴ Ломоносов М. В. Письмо Эйлеру Л., 12 февраля 1754 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 503.

я был весь погружён в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах. И труд мой оказался не бесплодным, так как кроме результатов, полученных мною при различных растворениях и осаждениях минералов, почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик»¹. Оценивая заслуги Ломоносова в производстве цветных смальт, и в ответ на его письмо, Эйлер писал Ломоносову из Берлина 30 марта 1754 года следующее: «*Omniño te digna sunt, quac de omnis generis Coloribus vitra inducendi es perscrutatus. Nostri chymici hoc inventum maximi faciunt.*— Дстойное Вас дело есть, что Вы стеклу все возможные цветы дать можете. Здешние химики сие изобретение за великое дело почитают»².

А вот еще одна более поздняя оценка опытной деятельности Ломоносова со стеклом. Советский химик М. А. Безбородов справедливо указывает (1952), что «... даже в наше время, через два столетия после Ломоносова, редко какой научный работник, ведущий экспериментальную работу по стекольной технологии, сможет записать в своей биографии столь большое число опытных плавок»³. При этом следует также учесть, что Ломоносов не имел того лабораторного оснащения и тех технологических преимуществ, которые в сравнении с ним имели уже химики XX века. Более того, он сам разрабатывал и необходимое ему оборудование, и новые технологии плавки и сам осуществлял научный поиск тех идей, которые привели его к грандиозным научным и практическим результатам. Действительно, труды М. В. Ломоносова по химии цветного стекла поражают не только своими грандиозными результатами, но и тем огромным трудовым вкладом учёного в это своё любимейшее занятие, которое он сам впоследствии назовет «великим мозаичным делом».

Само собой разумеется, что «упражнения» Ломоносова с цветным стеклом были естественным порождением его давних интересов к природе света и загадке порождению им цветовых

эффектов,— те интересы, которые направляли исследователя к решению множества разнообразных научных задач. Первые не до конца ясные ещё мысли и первые эстетические переживания появились у Михайло уже тогда, когда он, будучи отроком, наблюдал у себя на родине сполохи северного сияния, вызывавшие у мальчика настоящее восхищение этим прекрасным природным явлением. Систематические научные наблюдения над северными сияниями Ломоносов начнет проводить в 1743, и эти наблюдения впоследствии будут положены в основу его рассуждений «о причинах северных сияний», где он отвечает уже на вопросы, поставленные им самим в своих стихах «Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великаго северного сияния» (1743):

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мёрзлый пар
Среди зимы рождал пожар?⁴

Ещё один пример. В 1741–1743 годах Ломоносов составил «276 заметок по физике и корпускулярной философии», которые впоследствии послужили для него исходным материалом для целого ряда работ, выполненных после 1743 года. Так вот, 64 заметки из 276, т.е. каждая четвертая из них, непосредственно посвящены проблеме света и цвета.

Эти последние примеры раскрывают *универсальный характер гения Ломоносова*, когда наблюдения, мысли, события, впечатления разных лет, разнонаправленные творческие устремления и различные душевные переживания концентрируются в *цельном творческом акте гения*, порождая новый оригинальный продукт, который много позже потомки определят как *гениальную идею* или как *гениальное творение*.

1 июля 1756 года в торжественном Публичном собрании Академии наук М. В. Ломоносов прочитал «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее», которая была издана в этом же году отдельной брошюрой. В подробном исследовании К. С. Ляликова (1951), посвященном анализу теории цветов

¹ Там же. С. 502.

² Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 96.

³ Безбородов М. А. М. В. Ломоносов — основоположник химии силикатов. Минск, 1952. С. 11.

⁴ Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. Ч. 1. СПб., 1803. С. 33.

М. В. Ломоносова, было установлено, что названная теория имеет совершенно оригинальный характер, и ни в коей мере не была заимствована Ломоносовым у Мариотта, как об этом утверждал известный биограф Ломоносова Б. Н. Меншуткин¹. Фактически, с опубликованием Ломоносовского «Слова о происхождении света» были заложены основы новой области науки — цветоведения, изучающего восприятие цветов человеческим глазом². В завершении своего исследования К. С. Ляликов приходит к следующим выводам: «Главным в работах Ломоносова по цветоведению... кажется следующее:

1) Была установлена трёхмерность многообразия цветов, т.е. тот факт, что все существующие цвета могут быть получены из трёх основных. Известно, что и поныне это остается основой цветоведения.

2) Было установлено понятие об основных (трёх) и смешанных цветах.

3) Была установлена возможность получения белого цвета из трёх основных.

4) Были открыты три пары дополнительных цветов.

5) Были впервые созданы приборы для получения любого цвета путём сложения или вычитания трёх цветов. Принципы этих приборов (созданных Ломоносовым — С.Ч.) положены в основу современных колориметров.

6) Теория цветов, созданная Ломоносовым в процессе работы над цветными стеклами, в свою очередь была использована им для решения практических задач, возникавших при изготовлении цветных стекол и смальт³.

Изыскания Ляликова привели его ещё к одному важнейшему выводу. Томас Юнг несомненно знал и использовал теорию о цветах Ломоносова в своих исследованиях по цветоведению, поскольку в библиографии, посвященной натуральной философии и механике, в разделе физической оптики на первом месте стоит название латинского перевода названной работы М. В. Ломоносова (Lomonosow. De origine lucis. 4°. Petersburg. 1758). Таким образом, заключает Ляликов, основное положение теории цветов Ломоносова было введено Юнгом в свою работу, «которая в свою

очередь послужила базой для работ Гельмгольца, Максвелла и других ученых»⁴. Следовательно, именно М. В. Ломоносов со своей теорией цветов был действительным основателем современного цветоведения.

Таким образом, своими химическими и физическими изысканиями и смелыми теоретическими построениями М. В. Ломоносов во многом предварил современные представления о свете и цвете и практические достижения в этом направлении. Однако, несмотря на выдающиеся достижения М. В. Ломоносова в теории и практике цветоведения, его разработки в этом направлении на сегодняшний день считаются не более чем достоянием истории науки; а в современных монографиях, аналитических обзорах, статьях и учебных пособиях, посвященных соответствующим проблемам, факт научного приоритета Ломоносова в создании цветоведения зачастую забывается или замалчивается.

Выводы из своей «теории цветов» Ломоносов широко использовал для решения многочисленных практических задач, возникавших в процессе производства цветных смальт, которые шли на производство великолепных мозаичных картин. «Великое мозаичное дело», которым Ломоносов будет заниматься без перерыва последнюю четверть своей жизни (не бросая при этом множества других своих дел) и секреты которого были утрачены в России ещё со времён Киевской Руси, от самых от его начал до изготовления мозаичных картин, было возрождено Ломоносовым и доведено до такого уровня, «что никто в Европе лучших успехов показать не может...». Ломоносов получил несколько тысяч оттенков цветных стекол, и для того, чтобы понять всю грандиозность и масштабность этого труда следует сказать, что все европейские мозаичные мастерские того времени не смогли бы, даже сложившись, собрать такого количества разнообразных и чистейших цветовых оттенков. Получается, что всего за несколько лет Ломоносов один сделал в этом направлении столько, до чего Европа, на тот период имеющая многовековую историю мозаичного искусства так и не дошла.

Поэтому, чтобы там ни говорили *специалисты*, но мы то теперь знаем, и будем помнить, что *гений*, как говорил Леонардо да Винчи, «не делает ничего лишнего или бесполезного», и эти

¹ Меншуткин Б. Н. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911.

² Ляликов К. С. Теория цветов Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.— Л., 1951. С. 21.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

слова подходят не только их автору, но как нельзя лучше характеризуют *гений Ломоносова*. Ну а *специалисты* пусть и дальше выискивают «ошибки» в чужих теориях,— на то они и *специалисты*. «Ошибки замечать,— говорит Ломоносов,— немногого стоит; дать нечто лучшее — вот, что приличествует достойному человеку»¹. Надо сказать, что рассмотренный здесь пример не единичен. Тщательное изучение трудов М. В. Ломоносова показывает, что в них обнаруживается множество идей, которые требуют нового современного осмысления и творческого их развития.

Нет, Ломоносов не устарел, ведь его гений продолжает волновать наш дух, и мы продолжаем изучать наследие нашего великого соотечественника, тем самым не позволяя *гению Ломоносова* застыть в своём *ставшем*. И наши духовные силы, питаемые при этом идеями, а главное — уникальным *духовным опытом Ломоносова*, определяют тем самым непрерывное *становление его гения*. Ведь гений,— в отличие от таланта, становление которого всегда переходит в *ставшее*,— продолжает *пробыть в своём непрерывном и непрекращающемся становлении* даже после физической смерти своего носителя. Да, *гений Ломоносова* продолжает жить среди нас, питая нас своим неугасимым светом, и это будет продолжаться до тех пор, пока будет жива наша *русская духовная культура*.

III

Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные

есть или могут быть.

Михаил Васильевич Ломоносов

Мы, для кого русский язык является родным, не должны забывать о том, что богатству современного русского языка, его строю, глубине, содержанию мы во многом обязаны М. В. Ломоносову, о чём очень проникновенно говорил Н. В. Гоголь, а уж он, как никто другой знал толк в русском языке: «Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? <...> Впопыхах занял

он у соседей немцев размер и форму, какие у них в ту пору случились, не рассмотрев, приличны ли они русской речи. Нет и следов творчества в его риторически составленных одах; но восторг уже слышен в них повсюду, где ни прикоснется он к чему-нибудь, близкому науколюбивой его душе. <...> В описаниях слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта. Изумительнее всего то, что заключающую стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах. Он у него свободнее и лучше в стихах, нежели в прозе, и недаром Ломоносова называют отцом нашей стихотворной речи. Изумительно то, что начинатель явился господином и законодателем языка. Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет. <...> ... он сам как бы первоначальный, пророческий набросок того, что впереди»².

Замечательный русский поэт и талантливый литературный критик К. Н. Батюшков, с точки зрения которого именно любовь «зажигает пламенный» и тем уже одухотворяет гения, искренно, до глубины души чтит и очень понимал гений Ломоносова. В частности, в читанной Батюшковым «Речи о влиянии лёгкой поэзии на язык» (1816) он определяет Ломоносова как «исполина в науках и искусстве писать», как «великого образователя нашей словесности», как настоящего преобразователя «нового и необработанного» ещё русского языка: «Ломоносов преобразовал язык наш, созидавая образцы во всех родах (эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзия, история, красноречие духовное и гражданское — С.Ч.). <...> Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвёл в свое время язык русский до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами

¹ Ломоносов М. В. 276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 129.

² Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-и томах. Т. 6. М., 1953. С. 143–144.

общества, с гражданской образованностью и людскостью»¹.

Стоит привести ещё одно немаловажное суждение, высказанное К. С. Аксаковым, с точки зрения которого, именно Ломоносов, установив свободные и разумные отношения между языком церковно-славянским и русским языком (теория «трех штилей»), придал русскому языку непреходящее значение и обеспечил возведение и переход русского языка в высшую сферу, сферу общего: «Отношение же это Русского языка к языку церковно-Славянскому есть... отношение истинное, существенное и потому непреходящее. Это отношение вечно, простирается и до нашего времени, и всегда будет существовать в нашем языке, слоге. Ему обязаны мы чудными, изящными красотами слога письменного, при всей Русской национальности, выражающего общее.— Таким образом, освободив Русский язык, определив и установив отношение к церковно-Славянскому, Ломоносов, повторим, перенес язык в сферу общего, язык, который после него уже принимал изящные формы под пером Пушкина и других, язык, которым мы теперь пишем и вечно писать будем, перед которым бесконечный ход развития, на пути им проходимом. Ломоносову мы за то обязаны»². Таким образом, именно М. В. Ломоносов придал русскому языку не национальное только, но настоящее мировое значение, заложив основания к тому, чтобы русский язык занял своё достойное место во всечеловеческой духовной культуре. И этим мы действительно обязаны, прежде всего, Ломоносову.

Сам Михаил Васильевич, подчеркивая смысловую значимость и богатство русского языка, его настоящую красоту и внутреннюю силу, писал в предисловии к «Российской грамматике» (1755): «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. <...> Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми

оними говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. <...> Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море»³.

Из этого фрагмента мы ясно видим, с каким ясным пониманием и с какой любовью говорит о русском языке Ломоносов, владевший по меньшей мере ещё семью языками (церковно-славянский, латынь, древнегреческий, немецкий, французский, итальянский, польский). Так проникновенно и с таким знанием дела о русском языке в то время не говорил никто кроме Ломоносова, да и мало кто после него. И действительно правы были те русские мыслители и поэты, которые считали именно Ломоносова не только зачинателем русской поэзии, но и настоящим создателем того строя и содержания русского языка на котором мы, люди XXI века, продолжаем изъясняться и по сей день.

Читателям, хоть сколько-нибудь знакомым с биографией М. В. Ломоносова, хорошо известен его непреклонный характер и высочайшая требовательность при оценке трудов (когда дело касалось их научной чистоты и значимости) своих коллег по Академии или трудов иностранных учёных, независимо от научного авторитета последних. Достаточно вспомнить научные дискуссии Ломоносова с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации последнего «Происхождение имени и народа Российского» или его критические замечания относительно «Истории Российской империи», вышедшей из-под пера Вальтера. Природа такого отношения проистекала не из желания в чём-то ущемить своих коллег или зарубежных авторов, насаждая при этом своё личное мнение, а из той *высочайшей научной ответственности* и той *глубокой любви к истине*, которые Ломоносов пронёс через всю свою жизнь.

Отсюда берет начало и требовательность Ломоносова к своим собственным сочинениям:

¹ Батюшков К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 9–10.

² Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 338–339.

³ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 391–392.

«Ежели я тем утешаюсь, что мое имя в авторах народу станет известно, то не меньше и опасаться должен, чтоб оно навеки не осталось посмеянием»¹. А ещё ранее, в одном из своих писем Л. Эйлеру он высказывает следующее опасение: «хотя все это мог бы я опубликовать, однако боюсь: может показаться, что даю ученому миру незрелый плод скороспелого ума, если выскажу многие новые взгляды, по большей части противоречащие принятым великими учеными». Понятно поэтому, что он с не меньшей пристрастностью относился и к литературным трудам всех тех, кто когда-либо брался за перо, дабы донести свои мысли до читателей. Ссылаясь на великих стихотворцев древности, он говорил, что великие поэты, заслуживающие такого звания, потому и могут называться таковыми, что «они крайнего всегда ищут совершенства в том, что издают в свет»², и искренне советовал современным ему авторам: «Итак, чтобы автором быть, должно учительским порядком от молодых ногтей всему перво учиться и в науках пребыть до возрастных лет, а потом, ежели нужда, а не тщеславие позовет издать что либо в свет учительное, готовым быть самому себе и ей во всём дать ответ»³. В трудах Ломоносова относительно этого предмета можно найти немало по-настоящему пророческих суждений. Так, например, оценивая состояние литературы своего времени, он прозорливо отмечает: «настоящее время заставляет опасаться, чтоб число умножившихся ныне в свете авторов не завело в такую же темноту разум человеческий, в каковой он находился от недостатку писателей разумных»⁴. И в этом, как и во многих других вещах, Ломоносов не ошибся. Современная эпоха всеобщей образованности подтверждает его пророческие опасения, и нетрудно догадаться, какую бы душевную боль пережил наш гений, если бы он вдруг смог увидеть то состояние современной литературы, где авторов становится много больше, чем собственно тех, кто этих авторов читает.

Главную причину снижения качества литературных трудов М. В. Ломоносов видел в том, что «большинство пишущих» превратило «писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработ-

ка средств к жизни, вместо того, чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины»⁵. В наше время, в век Интернета, когда явления плагиата в публицистике, в учебно-методической литературе и даже в «серьезных» научных исследованиях становятся общим местом, очень актуально звучат принципиальные требования Ломоносова к журналистам и критикам, которые променивают нравственные принципы правдивого, объективного и многократно выверенного изложения в угоду и в погоне за славой и выгодой. «Главным образом,— пишет Ломоносов,— пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем украсть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны названия книг, которые он терзает»⁶. Как было бы прекрасно, если бы современные литераторы всех мастей, в несчетном количестве расплодившиеся в современном так называемом информационном обществе, прежде чем взяться за ответственный и ко многому обязывающий литературный труд, вначале научились бы относиться к своим писаниям так же требовательно, как относился к своим М. В. Ломоносов.

Следует обратить особое внимание на язык и стиль научных сочинений М. В. Ломоносова. Научные писания Ломоносова не только естественны и просты для понимания, но они ко всему прочему ещё и очень поэтичны. Если, например, внимательно рассмотреть речь М. В. Ломоносова «Слово о пользе химии» (1751), то мы поймем, что это не просто научный доклад и не сухая научная диссертация, понять которую способны лишь узкие специалисты,— это настоящая научная поэма в прозе. Здесь, в частности, автор говорит о том, что если химия при изучении «потаенных сокровищ природы» станет «через *Геометрию* вымеривать, через *Механику* развешивать, а через *Оптику* высматривать... то весьма вероятно, что она желаемых тайностей достигнет»⁷. При этом,

¹ Ломоносов М. В. О качествах стихотворца рассуждение // Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 529.

² Там же. С. 526.

³ Там же. С. 531.

⁴ Там же. С. 517.

⁵ Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 3. М.— Л., 1952. С. 217.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Ломоносов М. В. Слово первое о пользе химии // Полн. собр. соч. Михайла Васильевича Ломоносова. Ч. 3. СПб., 1803. С. 10.

науки для Ломоносова — то же, что и люди, где каждая имеет свою «душу», свой «характер». Судите сами: геометрию он называет «осторожной и догадливой», механику — «точной и замысловатой», а оптику — «проницательной»¹. Химию же он называет «руками математика» и «очами физическими»². Но самое главное в том, что через эти метафоры Ломоносов вполне ясно и предельно точно передает сам смысл и необходимость интеграции указанных естественных наук

Развивая далее мысль о необходимости всемерной интеграции наук, М. В. Ломоносов говорит, обращаясь к своим слушателям: «Здесь, уповаю, еще спросить желаете, чего ради по сие время исследователи естественных вещей в сем деле столько не успели? На сие отвечаю, к сему требуется весьма искусный химик и глубокий математик в одном человеке. Химик требуется не такой, который только из одного чтения книг понял сию науку, но который собственным искусством в ней прилежно упражнялся, и не такой, напротив того, который хотя великое множество опытов делал, однако, больше желанием великого и скоро приобретаемого богатства поощряясь, ... презирал случившиеся в трудах своих явления и перемены, служащие к истолкованию естественных тайн. Не такой требуется математик, который в трудных выкладках искусен, но который, в изобретениях и доказательствах привыкнув к математической строгости, в натуре сокровенную правду точным и непоползновенным порядком вывести умеет. Беспольны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Беспольны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет»³.

И таких мест в сочинениях Ломоносова, когда сухие научные истины излагаются настоящим поэтическим языком, можно обнаружить немало. «Смутно пишут о том, — говорил Ломоносов, — что смутно себе представляют»⁴, а ему самому, как мы видим, удавалось и говорить и писать не только предельно ясно и понятно, но при этом красноречиво и живописно. Согласитесь, что такое,

особенно при изложении научных материалов, мало кому по силам.

В 1751 г. было издано первое прижизненное «Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайло Ломоносова», где поэтический раздел открывается «Одами духовными», куда Ломоносов поместил свои переложения на стихотворный русский язык избранных Библейских псалмов. Известно, что А. С. Пушкин, да и не только он один, достаточно критически относился к «Похвальным одам» Ломоносова, однако по поводу «Од духовных» тот же Пушкин высказался совершенно иначе: «они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему». В отличие от своих предшественников (Симеон Полоцкий) и современников (В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков), М. В. Ломоносов переложил стихами не всю книгу «Псалтири», которой, как мы знаем, он с упоением зачитывался в детстве и знал её наизусть, но выбрал из неё только то, что вполне выражало его собственные раздумья и переживания, раскрывающие внутренний духовный мир самого автора, и в которых основным было стремление выразить своё личное понимание истины и конечно своё личное отношение к Богу.

О. А. Державина, анализируя переложения М. В. Ломоносовым библейских псалмов, отмечает, в частности, различие подходов к этому делу со стороны Тредиаковского и Ломоносова: «В.К. Тредиаковский, как известно, перевел стихами всю Псалтырь. Он работал над ней в 50-е годы, когда к псалмам не раз обращался и Ломоносов, но подход к материалу у писателей был далеко неодинаков. Если Ломоносов выражал в переводимых им псалмах свои переживания и чувства, то Тредиаковский трудился с целью дать русскому читателю полный стихотворный перевод популярной книги и подходил к своей работе как ученый-лингвист, экспериментатор»⁵. Автор отмечает также, что язык переводов Тредиаковского «местами очень тяжёл, часто встречаются неудачные выражения, славянизмы используются рядом с новыми, иногда придуманными переводчиком, словами», тогда как «язык переводов Ломоносова значительно легче», а его строфы «короче, компактнее, в них нет лишних,

¹ Там же.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 10–11.

⁴ Ломоносов М. В. 276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 145.

⁵ Державина О. А. Стихотворные переложения М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 194.

ненужных слов, которыми избобилует текст Тредиаковского...»¹.

На наш взгляд, даже сам факт переложения Ломоносовым только отдельных, избранных псалмов из всего библейского массива, говорит о том, что он не просто выполнял переводческую работу, подобно многим, но в этих переложениях он поистине *творил как художник*, выражая своё мироощущение, своё духовное состояние и, что самое главное, — *своё личное отношение к Личности Бога*. Вот почему Ломоносовское переложение избранных псалмов (после их первой публикации в 1751 году) находило многих читателей среди самых различных социальных групп русского народа: от распевующих псалмы бродячих слепцов, а за ними и крестьян², до духовно-просвещённых представителей из числа российских аристократов. *Ломоносовские переложения псалмов* стали не просто популярны, они *стали любимы, т.е. превратились в национальное духовное достояние русского народа*.

Таким образом, *творческий труд* Ломоносова по переложению библейских псалмов на русский литературный язык имел поистине народный характер. И недаром Пушкин назвал «Духовные оды» Ломоносова «вечными памятниками русской словесности». Действительно, переводы псалмов Ломоносова читаются современным читателем практически без затруднений и как прежде вызывают глубокие эстетические чувства и нравственные переживания, чего однако не скажешь о стихах того же Тредиаковского. Таким образом, поэзия Ломоносова жива и поныне, и продолжает нести в себе высокий смысл одухотворения прекрасным.

IV

Великое благодарение Всевышнему
человеческий род воздавать должен,
за дарованную ему к толиким
знаниям способность.
Михаил Васильевич Ломоносов

«Ломоносов был великий человек, — снова слышим мы слова Пушкина. — Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый

¹ Там же. С. 195.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. Примечания. М.; Л., 1950. С. 932.

университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»³. Действительно, именно М. В. Ломоносов стал тем духовным вдохновителем и настоящим организатором нового российского просвещения, которое начало бурно впитывать в себя всё самое лучшее от «образованной Европы», но не отринувшим при этом своих исконных корней и традиций. Ведь именно Ломоносов своим личным примером, своей энергией, своим словом добился того, что русская наука заговорила, наконец, по-русски, а русские студенты начали, наконец, обучаться на своём родном языке. И здесь, также как и во многих других своих делах, *Ломоносов является первым* — именно тем человеком — *кто заложил принципиальные основания и организационно-педагогические основы будущего российского общего и профессионального образования*. Действительно, именно он, Ломоносов, начавший первым в России читать научные лекции на русском языке⁴, стал идейным вдохновителем и настоящим интеллектуальным центром создания первого российского национального университета.

Прошедший все ступени и ученического и учительского труда, и изнутри познавший и российскую школу, и европейское университетское образование, М. В. Ломоносов прекрасно понимал, как необходим для России университет, отвечающий настоящим требованиям времени. Он составил проект организации университета, предусмотрел, как и чем он должен заниматься. Для того, чтобы в университете был постоянный приток студентов Ломоносов проектировал со-

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 7. М., 1958. С. 277.

⁴ В летние месяцы 1746 года, начиная с 20 июня, осуществляя «свои мысли о возможно широком распространении просвещения в России и в образовании молодых людей», М. В. Ломоносов начал читать лекции по физике при Петербургской Академии Наук. На первой из этих лекций «... присутствовали, по словам «С.— Петербургских Ведомостей», «сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент Академии с некоторыми придворными кавалерами». Президентом Академии Наук был назначен за месяц до этой лекции восемнадцатилетний граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Говорят, что на этой лекции присутствовал и Иван Иванович Шувалов, чрезвычайно интересовавшийся научными и общественными вопросами (в то время ему шел 19-й год) и после лекции завязавший знакомство с Ломоносовым» (Меншуткин Б. Н. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911. С. 41–42).

здание при университете гимназии. Так что идея непрерывного профессионального образования в России была впервые рождена и реализована именно трудами М. В. Ломоносова.

Идеи по организации первого российского университета были изложены М. В. Ломоносовым в письме И. И. Шувалову (июнь — июль 1754 года)¹, и в минимальной редакции (без изменения самого содержания и смысла предложений) вошли в текст доношения об учреждении Московского университета, поданным Шуваловым в Сенат 19 июля 1754 года. В тот же день доношение было рассмотрено Сенатом и получило одобрение. Императрица Елизавета утвердила проект университета 12 января 1755 года, а Иван Иванович Шувалов был назначен его куратором.

Новый университет, как и предлагал в своём проекте Ломоносов, состоял из трех факультетов — философского, медицинского и юридического. Все студенты университета первоначально учились три года на философском факультете, изучая гуманитарные науки, математику и другие точные науки. По истечении трёх лет студенты могли либо оставаться на этом же факультете для углубленного изучения одного из предметов, либо переходить на медицинский или юридический факультеты, где обучение продолжалось еще четыре года. На медицинском факультете, кроме медицины изучались также химия, ботаника, зоология, агрономия, минералогия и другие естественные науки. Во всех университетах мира был и четвертый факультет — богословский, в Московском университете такого факультета не было и богословие как наука не преподавалось. «Хотя во всяком университете, — писалось в проекте учреждения университета, — кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется святейшему Синоду»².

В университете впервые началось преподавание всех наук на русском языке, в этом также была заслуга Ломоносова. В Академии Наук и в семинариях преподавание тогда велось на латинском, немецком, церковнославянском

языках, но только не на русском. С открытием Московского университета наука заговорила по-русски полным голосом: «Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на латинском, либо на русском языке, смотря как по приличеству материи, так и по тому, иностранный ли будет профессор или природный русский»³.

Ломоносовский проект давал право учиться в университете не только дворянам, но и детям ремесленников, солдат, купцов, духовенства и даже крестьян: «Для различения дворян от разночинцев учиться им в разных гимназиях, а как уже выйдут из гимназии и будут студентами у высших наук, таким быть вместе как дворянам и разночинцам, чтоб тем более дать поощрение к прилежному учению»⁴. Однако дети крепостных крестьян к обучению в университете не допускались. «Понеже науки не терпят принуждения и между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо счисляются, — гласил § 26 проекта учреждения университета, — того ради как в университет, так и в гимназию, не принимать никаких крепостных и помещиковых людей. Однако ежели который дворянин, имея у себя крепостного человека сына, в котором усмотрит особливую остроту, пожелает его обучить свободным наукам, оный должен наперед того молодого человека объявить вольным и, отказавшись от всего права и власти, которую он прежде над ним имел, дать ему увольнительное письмо за свою рукою и за приписанием свидетелей»⁵. Только в этом случае бывший крепостной мог получить доступ в университет, а успешно его окончив, действительно становился вольным человеком, выбирая для своей последующей деятельности либо «службу государеву», либо «вольное пропитание»⁶. Для детей бедноты было предусмотрено 100 мест в гимназии и 30 — в университете. Зачисленные получали от государства место в университетском общежитии, пищу, одежду и обувь. Университет имел в своих стенах хорошо оборудованную химическую лабораторию, физический и минералогический кабинеты, библиотеку и собственную типографию. Одним из первых изданий, напечатанных в университетской типографии, были «Собрания разных сочине-

¹ Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., июнь — июль 1754 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 508–514.

² Об учреждении Московского университета и двух гимназий // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 34–35.

⁶ Там же. С. 35.

ний в стихах и прозе Михаила Ломоносова» (1757), собранные в двух томах. Причем, И. И. Шувалов лично контролировал выпуск этого издания и торопил в этом типографов, не забывая заботиться при этом о качестве корректуры, рисунков и печати.

Московский университет был действительно организован один в один по плану Ломоносова. И. Ф. Тимковский, неоднократно встречавшийся с И. И. Шуваловым, рассказывает: «В ранних годах славы Шувалова, при императрице Елисавете, лучшее место занимает Ломоносов. С ним он составлял проект и устав Московского университета. Ломоносов тогда много упорствовал в своих мнениях и хотел вполне удержать образец Лейденского, с несовместными вольностями. Судили и о том, что у Красных ли ворот, к концу города, поместить его или на середине, как и принято, у Воскресенских ворот; содержать ли гимназию при нем или учредить отдельно; предпочтено первое, обоим по своим причинам...»¹. Однако, ни сам Ломоносов как разработчик проекта, ни его авторство над планом организации университета, представленного Сенату Шуваловым, не было никоим образом отражено в официальных документах. Почему так произошло?

На наш взгляд, дело объясняется следующим образом. Во-первых, творцы идей, как показывает история, далеко не всегда имеют возможность их последующей реализации и зачастую эти идеи, особенно если последние имеют общественное значение, продвигают люди приближенные к верховной власти. Во-вторых, Ломоносов был уверен, и не без оснований, что в тогдашней России нет другого человека кроме него самого, который смог бы создать лучшие принципиальные основания и заложить организационные основы будущего университета для его достойного становления и последующего развития: «Главное мое основание, сообщённое вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие роды»². И Ломоносову было достаточно того, что этот проект усилиями Шувалова был продвинут и реализован. *Для гениальных людей не личная слава является главным двигателем*

¹ Тимковский И. Ф. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

² Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., июнь — июль 1754 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 513.

их деяний, а торжество возвращённой и выношенной ими идеи.

Конечно, М. В. Ломоносов был не единственным русским по происхождению российским учёным, получившим европейское образование, но именно его, Ломоносова следует считать тем человеком, который заложил в России начала педагогической науки и создал методические основы организации образовательного процесса. Педагогические идеи М. В. Ломоносова, высказанные им в середине XVIII века, будут признаны устаревшими всеми теми, кто сегодня превращает наше отечественное образование в технологию производства биороботов и кнопочных устройств; и, напротив, для тех, для кого образование продолжает быть *живым творческим процессом взаимодействия ученика и учителя*, — в котором и для ученика и для учителя обретается то новое, что мы и называем познанием, — идеи Ломоносова остаются свежим глотком воздуха в задымленной атмосфере и в исковерканной современными реформаторами системе российского образования образца XXI века. Для тех учёных и педагогов, для которых вполне ясна не просто ущербность, но и преступный по сути характер сегодняшних образовательных реформ, педагогические идеи Ломоносова, во множестве рассыпанные по его малым и крупным произведениям, в новом их прочтении предстают как в полной мере обоснованные и как вполне своевременные.

Приведем несколько примеров из «Краткого руководства к красноречию». Вот один из них: *«Молодых людей нежные нравы, во все стороны гибкие страсти и мягкие их и воску подобные мысли добрым воспитанием управляются»*³. Еще один пример, который хотя и относится собственно к риторике, но отражает требование Ломоносова учитывать в педагогике природные особенности как детей так и взрослых: «Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию

³ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 121.

и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; <...> При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства»¹.

В этом же труде, представляя характеристику «искусного ратора», Ломоносов тем самым выделил *проблему педагогического мастерства*. По Ломоносову, опытный ритор (он же лектор, он же педагог) должен уметь возбуждать у слушателей любовь к другим людям и к тому предмету, о котором идет речь. «Любовь,— говорит Ломоносов,— есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение»². Вообще, М. В. Ломоносов всегда придавал огромное значение вопросам нравственности, без решения которых просвещение потеряет не только свое значение, но и самый свой смысл.

Тот факт, что педагогические идеи Ломоносова встречаются не только в его произведениях, посвященных гуманитарным наукам, но и в его естественнонаучных трудах, а также и в поэтических сочинениях, равно как и факты его заботы о молодых учёных и педагогах, со всей очевидностью показывают, что проблема воспитания³ детей и юношества была одной из центральных в его творчестве. Вместе с тем, наиболее полно педагогические идеи Ломоносова, которые касаются дидактики, методики преподавания и организации педагогического процесса представлены в «Проекте регламента Московских гимназий» (1755) и в «Проекте регламента Академической гимназии» (1758), где Ломоносов уделяет значительное внимание как организации, так и содержанию обучения детей и юношества. Анализ названных документов, составленных

¹ Там же. С. 168–169.

² Там же. С. 176.

³ Именно воспитание Ломоносов считал центральным фактором развития человека и становления его личности.

М. В. Ломоносовым более двухсот пятидесяти лет назад и без чьей либо помощи, со всей очевидностью показывает, что во многих своих частях «регламенты» Ломоносова выглядят более конкретно и более убедительно, но главное, они более насыщены духовно-нравственным содержанием, чем иные документы образца последних двадцати лет, разработанные целыми научно-педагогическими коллективами, и принятые в качестве регламентирующих в современном российском образовании. В «регламентах» Ломоносова чувствуется настоящая забота и любовь к тем, кого предстоит растить и воспитывать в нашем Отечестве.

Особую роль в воспитании детей и юношества М. В. Ломоносов отводит труду. Причем по Ломоносову *труд есть основа формирования нравственных качеств личности*: «Или трудом бессмертную славу приобретает, либо, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, бесславного конца ожидать должно. Но приобретать должно трудом бессмертную славу. Следовательно, не должно, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, ожидать бесславного конца»⁴. В свою очередь, безделье и страсть к потребительству Ломоносов считал главными изъянами личности: «Роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, вливают под видом сладости бедственную язву в душу и тело, наносят несносные оскорбления, бедность и смертоносные болезни»⁵.

Когда мы читаем стихи Ломоносова, то начинаем лучше понимать этого великого *гениального трудолюбца*, жизнь которого была безмерно насыщена не столько событиями, сколько трудами.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде»⁶.

⁴ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 156–157.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 206–207.

Сегодня мы видим, как эти представления Ломоносова о роли труда в воспитании отличается от всего того, что творится в современном образовании. Вот только один из многочисленных примеров. В 90-х годах XX века школьную дисциплину — трудовое *воспитание* назвали по западному образцу *технологией*, — присвоили новое имя и тем самым всего за несколько лет практически *полностью уничтожили систему школьного трудового воспитания*. Некогда существовавшие в каждой школе мастерские, превратились где-то в склады, где-то в комнаты отдыха, но чаще — в компьютерные классы. И вот мы уже имеем огромную армию бездельников, которые многочасовое просиживание в Интернете предпочитают любой созидательной деятельности. Эффект этот очень прост. Формирование личности происходит в труде, и, прежде всего — в труде, и об этом очень хорошо знал и предупреждал об этом Ломоносов; и, напротив, при освоении технологий, личность как таковая не формируется, индивиду лишь прививаются навыки освоения зачастую достаточно примитивных операций, не требующих особого осмысления. А вот те бесчисленные компьютерные игры, за которыми часто проводят своё время многие подростки, само содержание этих игр, их агрессивный, безнравственный и откровенно античеловеческий характер, формирует уже личность не созидателя, но разрушителя. И тогда немалое число молодых людей (число которых с каждым годом только увеличивается), отрываясь на некоторое время от своих компьютеров, выходят на улицы... и начинают стрелять, так же как они и привыкли делать в своих компьютерных стрелялках. Это уже не просто печально, это уже страшно, когда страна наводнена массой молодых активных людей, сформировавшихся как бездельники, как циничные потребители, которые уже ничего не могут делать руками, которые *не могут и не хотят трудиться*... Вне труда теряет человек самую *человечность*, но нередко приобретает психологию павиана и усваивает поведение хищной инфузории¹.

¹ Среди одноклеточных животных нередко встречаются хищные виды (например, инфузории *Didinium nasutum*, одноклеточные хищники-стенофаги и др.), которые 90% времени своей короткой жизни проводят в пожирании себе подобных. (Серавин Л. Н., Орловская Э. Э., Карпенко А. А. Роль механической хеморецепции в выборе пищи хищными инфузориями // Движение и поведение одноклеточных животных. Л., 1978).

Исправить сложившуюся ситуацию непросто. Ведь созидание, в отличие от разрушения, это процесс длительный и нелегкий. Нравственные чувства в народном сознании формируются веками, и наоборот, могут быть уничтожены всего за несколько лет, как это показывает история всех без исключения революций, равно как и опыт нынешних разрушительных реформ. Но это не значит, что нужно опустить руки, предаться панике, или пустить дело на самотёк. Нужно вслушаться в слова Ломоносова: «Или трудом бессмертную славу приобретать, либо, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, бесславного конца ожидать должно», и перво-наперво *вернуть в семью и в школу трудовое воспитание*. Но при этом не должно забывать, что *единственный реальный способ воспитания у детей и юношества культуры труда — это личный пример взрослых, и, прежде всего, родителей и педагогов*. Следовательно, начинать придется с себя. Задача непростая. Но не будем забывать, что именно Россия нередко показывала миру невероятную силу и скорость созидательных преобразований, когда речь шла о сохранении её целостности и национальной духовной культуры. Так примемся же за дело, приступим к созидательному труду каждый в своём роде и на своём месте. И пусть Михаил Васильевич Ломоносов снова станет для нас самих тем самым примером, каковым и мы сами должны стать для наших детей.

Резюмируя, мы утверждаем, что Ломоносов был не только первым русским педагогом-методистом, но, прежде всего, настоящим вдохновителем и организатором российского просвещения нового времени, которое легло в основу образовательной системы, ставшей впоследствии лучшей в мире среди всех других национальных образовательных систем. Основания, положенные Ломоносовым в здание российского просвещения, как это показывает история, были заложены в благодатную почву. И произошло невероятное, невероятное для других народов, но только не для народа русского. Россия, не имеющая до Ломоносова той многовековой истории регулярного высшего образования, которое имела к тому времени Европа, очень скоро преобразуется в страну, где университетское образование станет не просто не хуже, оно станет более многосторонним, и потому, благодаря своей универсальности, во многих отношениях даже более совершенным, чем образование европейское. А представители русской духовной культуры (поэты, философы

и учёные), выпускники российских университетов, уже на равных заговорят с представителями культуры европейской, заговорят так же свободно, обоснованно и с чувством собственного достоинства, как говаривал со своими зарубежными коллегами и сам Михаил Васильевич.

И сбылось то, о чём мечтал сам Ломоносов, ради чего трудился «не щадя живота свое-

го», и во что безусловно верил: «Что может собственных Платонов / И быстрых разумов Невтонов / Российская земля рождать». И в этом мы видим не только выдающуюся по своему историческому значению заслугу Михаила Васильевича, но и по-настоящему *мессианский характер и настоящее предназначение самого гения Ломоносова.*

Список литературы:

1. Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Типография Николая Степанова, 1846. 517 с.
2. Батюшков К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей русской словесности» в Москве. Июля... 1816 // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 8–19.
3. Безбородов М. А. М. В. Ломоносов — основоположник химии силикатов. Минск: Изд-во АН БССР, 1952. 23 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. 640 с. (Антология мысли). С. 11–256.
5. Вейнингер О. Пол и характер: Принципиальное исследование. М.: Латард, 1997. 357 с. (Фундамент психологии XX в.).
6. Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6: Избранные статьи и письма. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1953. С. 141–184.
7. Державина О. А. Стихотворные переложения М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1987. С. 189–199.
8. Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.
9. Лебедев Е. Н. Ломоносов. М.: Мол. Гвардия, 1990. 602 [6] с., ил. (Жизнь замеч. людей. Серия биограф. Вып. 705).
10. Ломоносов М. В. 276 заметок по физике и корпускулярной философии / Пер. Б. Н. Меншуткина // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 3: Труды по физике и химии, 1738–1746 гг. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 103–167.
11. Ломоносов М. В. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: АН СССР, 1950–1983. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738–1746. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 419–530.
12. Ломоносов М. В. Записка о необходимости преобразования Академии Наук. 1758–1759 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 32–72.
13. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378.
14. Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 196–207.
15. Ломоносов М. В. О качествах стихотворца рассуждение // Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. С. 517–532.
16. Ломоносов М. В. Письмо Теплову Г. Н., 30 января 1761 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 547–554.

17. Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., 4 января 1753 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 474–476.
18. Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., июнь — июль 1754 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 508–514.
19. Ломоносов М. В. Письмо Шувалову И. И., 19 января 1761 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 545–547.
20. Ломоносов М. В. Письмо Эйлеру Л., 12 февраля 1754 г. / Пер. Я. М. Боровского // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 500–503.
21. Ломоносов М. В. Репорт президенту АН о назначении в Химическую лабораторию студентов. 1750 января 19 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 47–49.
22. Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии / Пер., под ред. Т. П. Кравца // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3: Труды по физике и химии, 1753–1765. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 217–232.
23. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
24. Ломоносов М. В. Слово первое о пользе химии // Полное Собрание Сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть третья. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук 1803 года. С. 3–30.
25. Ломоносов М. В. Слово третье о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Полное Собрание Сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть третья. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук 1803 года. С. 105–142.
26. Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. Издание новое исправленное. Часть первая. СПб.: Печатано в типографии Шнора, 1803.
27. Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце // Полное Собрание Сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с прибавлением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть третья. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук 1803 года. С. 243–260.
28. Львович-Кострица А. И. Михаил Ломоносов: его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность // Ломоносов. Грибоедов. Сеньковский. Герцен: Биограф. Повествования. Челябинск, 1997. С. 5–100.
29. Ляликов К. С. Теория цветов Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. III. М.— Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 17–32.
30. Меншуткин Б. Н. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. 3-е издание. Санктпетербург: Типография Императорской Академии Наук, 1911. 160 с.
31. Московский университет в воспоминаниях современников. (1755–1917): Сборник / Тимковский И. Ф., Лубяновский Ф. П., Фонвизин Д. И. и др.; Обществ. редкол. серии А. Н. Сахаров и др. М.: Современник, 1989. 736 с. (Память).
32. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету. 1755, генваря 24. // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 735 с. («Память»).
33. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
34. Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Приложение к VIII тому записок Имп. Академии Наук. № 7. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии Наук, 1865.
35. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 7: Критика и публицистика. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 766 с.
36. Серавин Л. Н., Орловская Э. Э., Карпенко А. А. Роль механо- и хеморецепции в выборе пищи хищными инфузориями // Движение и поведение одноклеточных животных. Л.: Наука, Ленигр. отд., 1978.

37. Чернов С. В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. Научно-практический журнал. 2011. № 1 (28). С. 34–44.
38. Чернов С. В. Книга о гениальности. Т. 1: Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж; М.: АНО «Институт духовной культуры и свободного творчества», 2010. 562 с.
39. Чернов С. В. Концептуальные основы исследования человеческого гения // Психология и психотехника. Научно-практический журнал. 2010. № 3 (18). С. 45–55.

References (transliteration):

1. Aksakov K. S. Lomonosov v istorii russkoi literatury i russkogo yazyka. Rassuzhdenie kandidata Moskovskogo universiteta Konstantina Aksakova, pisannoe na stepen» magistra filosofskogo fakul'teta pervogo otdeleniya. M.: Tipografiya Nikolaya Stepanova, 1846. 517 s.
2. Batyushkov K. N. Rech» o vliyaniy legkoi poezii na yazyk, chitannaya pri vstuplenii v «Obshchestvo lyubitelei russkoi slovesnosti» v Moskve. Iyulya... 1816 // Batyushkov K. N. Opyty v stikhakh i proze. M.: Nauka, 1977. С. 8–19.
3. Bezborodov M.A. M. V. Lomonosov — osnovopolozhnik khimii silikatov. Minsk: Izd-vo AN BSSR, 1952. 23 s.
4. Berdyaev N. A. Russkaya ideya // Berdyaev N. A. Samopoznanie: Sochineniya. M.: Eksmo, 2008. 640 s. (Antologiya mysli). S. 11–256.
5. Veininger O. Pol i kharakter: Printsipial'noe issledovanie. M.: Latard, 1997. 357 s. (Fundament psikhologii KhKh v.).
6. Gogol» N.V. V chem zhe, nakonets, sushchestvo russkoi poezii i v chem ee osobennost» // Gogol» N. V. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. 6: Izbrannyye stat'i i pis'ma. M.: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1953. S. 141–184.
7. Derzhavina O. A. Stikhotvornyye perelozheniya M. V. Lomonosova // Lomonosov i russkaya literatura / Otv. red. A. S. Kurilov. M.: Nauka, 1987. S. 189–199.
8. Elinek Yan. Bol'shoi illyustrirovannyi atlas pervobytnogo cheloveka. Praga: Artiya, 1985. 560 s.
9. Lebedev E. N. Lomonosov. M.: Mol. Gvardiya, 1990. 602 [6] s., il. (Zhizn» zamech. lyudei. Seriya biogr. Vyp. 705).
10. Lomonosov M.V. 276 zametok po fizike i korpuskulyarnoi filosofii / Per. B. N. Menshutkina // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii T. 3: Trudy po fizike i khimii, 1738–1746 gg. M.; L.: AN SSSR, 1950. S. 103–167.
11. Lomonosov M. V. Volfianskaya eksperimental'naya fizika, s nemetskogo podlinnika na latinskoy yazyke sokrashchennaya, s kotorogo na rossiiskii yazyk perevel Mikhailo Lomonosov, imperatorskoi Akademii Nauk chlen i khimii professor // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. M.; L.: AN SSSR, 1950–1983. T. 1: Trudy po fizike i khimii, 1738–1746. M.; L.: AN SSSR, 1950. S. 419–530.
12. Lomonosov M. V. Zapiska o neobkhodimosti preobrazovaniya Akademii Nauk. 1758–1759 // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnyye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 32–72.
13. Lomonosov M. V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroi sodержitsya ritorika, pokazuyushchaya obshchie pravila oboego krasnorechiya, to est» oratorii i poezii, sochinennaya v pol'zu lyubyashchikh slovesnye nauki // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 89–378.
14. Lomonosov M. V. Oda na den» vosshestviya na Vserossiiskii prestol Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Elisavety Petrovny 1747 goda // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732–1764. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 196–207.
15. Lomonosov M.V. O kachestvakh stikhotvortsya rassuzhdenie // Lomonosov M. V. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1950. S. 517–532.
16. Lomonosov M. V. Pis'mo Teplovu G. N., 30 yanvarya 1761 g. // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnyye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 547–554.
17. Lomonosov M. V. Pis'mo Shuvalovu I. I., 4 yanvarya 1753 g. // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnyye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 474–476.

18. Lomonosov M. V. Pis'mo Shuvalovu I. I., iyun» — iyul» 1754 g. // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 508–514.
19. Lomonosov M. V. Pis'mo Shuvalovu I. I., 19 yanvarya 1761 g. // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 545–547.
20. Lomonosov M. V. Pis'mo Eileru L., 12 fevralya 1754 g. / Per. Ya.M. Borovskogo // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 500–503.
21. Lomonosov M. V. Report prezidentu AN o naznachenii v Khimicheskuyu laboratoriyu studentov. 1750 yanvarya 19 // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 9: Sluzhebnye dokumenty. 1742–1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 47–49.
22. Lomonosov M. V. Rassuzhdenie ob obyazannostyakh zhurnalystov pri izlozhenii imi sochinenii, prednaznachennykh dlya podderzhaniya svobody filosofii / Per. pod redaktsiei T. P. Kravtsa // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii T. 3: Trudy po fizike i khimii, 1753–1765. M.; L.: AN SSSR, 1952. S. 217–232.
23. Lomonosov M. V. Rossiiskaya grammatika // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 389–578.
24. Lomonosov M. V. Slovo pervoe o pol'ze khimii // Polnoe Sobranie Sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s pribavleniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvorenii. Chast» tret'ya. V Sanktpeterburge, izhdiveniem Imperatorskoi Akademii Nauk 1803 goda. S. 3–30.
25. Lomonosov M. V. Slovo tret'e o proiskhozhdenii sveta, novuyu teoriyu o tsvétakh predstavlyayushchee // Polnoe Sobranie Sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s pribavleniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvorenii. Chast» tret'ya. V Sanktpeterburge, izhdiveniem Imperatorskoi Akademii Nauk 1803 goda. S. 105–142.
26. Lomonosov M. V. Sobranie raznykh sochinenii v stikhakh i proze Mikhaily Vasil'evicha Lomonosova. Izdanie novoe ispravlennoe. Chast» pervaya. SPb.: Pechatano v tipografii Shnora, 1803.
27. Lomonosov M. V. Yavlenie Venery na Solntse // Polnoe Sobranie Sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s pribavleniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvorenii. Chast» tret'ya. V Sanktpeterburge, izhdiveniem Imperatorskoi Akademii Nauk 1803 goda. S. 243–260.
28. L'vovich-Kostritsa A. I. Mikhail Lomonosov: ego zhizn», nauchnaya, literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost» // Lomonosov. Griboedov. Sen'kovskii. Gertsen: Biogr. Povestvovaniya. Chelyabinsk, 1997. S. 5–100.
29. Lyalikov K. S. Teoriya tsvetov Lomonosova // Lomonosov. Sbornik statei i materialov. T. III. M.— L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. S. 17–32.
30. Menshutkin B. N. Mikhail Vasil'evich Lomonosov. Zhizneopisanie. 3-e izdanie. Sanktpeterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911. 160 s.
31. Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov. (1755–1917): Sbornik / Timkovskii I. F., Lubyanskiy F. P., Fonvizin D. I. i dr.; Obshchestv. redkol. serii A. N. Sakharov i dr. M.: Sovremennik, 1989. 736 s. (Pamyat').
32. Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvukh gimnazii. S prilozheniem vysochaishe utverzhdenogo proekta po semu predmetu. 1755, genvarya 24 // Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov: Sbornik / Sost. Yu.N. Emel'yanov. M.: Sovremennik, 1989. 735 s. («Pamyat'»).
33. Odoevskii V. F. Russkie nochi. L.: Nauka, 1975.
34. Pekarskii P. Dopolnitel'nye izvestiya dlya biografii Lomonosova // Prilozhenie k VIII tomu zapisok Imp. Akademii Nauk. № 7. Sanktpeterburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1865.
35. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh. T. 7: Kritika i publitsistika. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 766 s.
36. Seravin L.N., Orlovskaya E. E., Karpenko A. A. Rol» mekhano-i khemoretseptiv v vybore pishchi khishchnymi infuzoryami // Dvizhenie i povedenie odnokletochnykh zhivotnykh. L: Nauka, Lenigr. otd., 1978.
37. Chernov S. V. Genii kak khudozhnik, kak myslitel», kak tvorets // Psikhologiya i psikhotekhnika. Nauchno-prakticheskii zhurnal. 2011. № 1 (28). S. 34–44.

Педагогика и просвещение 3(11) • 2013

38. Chernov S. V. Kniga o genial'nosti. T.1: Chelovecheskii genii: Priroda. Sushchnost». Stanovlenie. Voronezh; M.: ANO «Institut dukhovnoi kul'tury i svobodnogo tvorchestva», 2010. 562 s.
39. Chernov S. V. Kontseptual'nye osnovy issledovaniya chelovecheskogo geniya // Psikhologiya i psikhotekhnika. Nauchno-prakticheskii zhurnal. 2010. № 3 (18). S. 45–55.